

Павлов А.А.

К вопросу об изменении характера плебейского трибуната на завершающем этапе сословной борьбы (339- 287 гг.)

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3087>]

[Публикация работы:]

Павлов А.А. 2000: К вопросу об изменении характера плебейского трибуната на завершающем этапе сословной борьбы (339-287 гг.) // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (6), 126-135.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

А. А. ПАВЛОВ*

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ХАРАКТЕРА
ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНАТА
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ СОСЛОВНОЙ
БОРЬБЫ (339–287 гг. до н. э.)**

Традиционно историю плебейского трибуната делят на два периода: до 287 г. (дата *lex Hortensia*, который рассматривается как окончательная победа плебса в сословной борьбе), когда трибунал был «революционным» органом, и после 287 г., когда он становится общегосударственной должностью, представляющим весь римский народ на законной основе¹. Вместе с тем эта дата рассматривается и как поворот в функциональном назначении плебейского трибуната: из института «партийной борьбы» плебейской элиты он превращается в инструмент патрицианско-плебейских сенаторских родов². Однако насколько можно рассматривать законы Гортензия 287 г., уравнившие решения плебисцитов с законами, в качестве отправного пункта в изменении характера плебейского трибуната? Именно рассмотрение изменения полномочий плебейских трибунов и сути трибуната (в период от *lex Publilia Philonis* 339 г. до *lex Hortensia* 287 г.) и является задачей данной статьи.

Основным источником по данной проблеме является труд Тита Ливия, в котором рассматриваемому периоду посвящены три книги (VIII–X), охватывающие период с 341 по 292 г. Изменения, произошедшие после закона Публилия Филона 339 г., не остаются незамеченными автором, который порой акцентирует на этом свое внимание. Так, рассказывая о событиях 310 г. (IX. 33. 3), он замечает, что уже много лет между патрицианскими должностными лицами и плебейскими трибунами не было никаких споров, а несколько позднее (X. 37. 11) явно выражает свое мнение в словах, приданных консулу Луцию Постумию, который говорит, что плебейские трибуны – «невольники знати». Похоже, именно эти две фразы стали ключевыми в понимании Ливием трибуната этого периода.

В трех указанных книгах плебейские трибуны фигурируют в 17 различных по характеру эпизодах³, в которых содержится информация о плебисцитах, деятельности трибунов и их взаимоотношениях с сенатом и другими органами власти, а также просопографические данные.

Изменение характера и функций плебейского трибуната особенно наглядно прослеживается в изменении характера плебисцитов⁴. Традиция сохранила конкретную инфор-

* Павлов Александр Александрович – преподаватель исторического факультета университета г. Сыктывкар.

¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. B., 1887. Bd. II, Abt. I. S. 279; Niccolini G. *Il tribunato della plebe*. Milano, 1932. P. 66; Bleicken J. *Das Volkstribunat der klassischen Republik: Studien zu seiner Entwicklung zwischen 287 und 133 v. Chr.* München, 1968; De Martino F. *Storia della costituzione romana*. Napoli, 1957. Vol. II. P. 247.

² См., например: Bleicken J. *Das römische Volkstribunat: Versuch einer Analyse seiner politischen Funktion in republikanischer Zeit* // Chiron. 1981. Bd. 11. S. 87 u. folg.

³ Liv. VIII. 12. 10; 22. 4; 23. 11–12; 23. 14; 33. 7–35. 4; 37. 8; IX. 8. 13–10. 2; 26. 15–16; 30. 3; 33. 3–34. 26; 36. 14; 42. 3; 46. 7; X. 6. 3–9. 1; 13. 9; 21. 9; 24. 18.

⁴ В настоящей статье мы не имеем намерения останавливаться на дискуссионных вопросах института *plebiscitum* как такового. Однако следует заметить, что мы рассматриваем все плебисциты данного периода, несмотря на значительный скепсис в историографии, как аутентичные. Не вдаваясь в частные доказательства, здесь следует сказать, что они составляют логическое гармоничное целое.

мацию о шести плебисцитах этого периода. По крайней мере два из них (несмотря на все их различия) говорят о стремлении плебейских трибунов окончательно урегулировать политические достижения плебейской элиты и консолидировать патрицианско-плебейскую элиту в структурно оформленный организм. Это плебисциты братьев Огульниев 300 г. и Овиния 313 г. Первый из них – единственный, который сохраняет, на первый взгляд, черты прежнего периода. Согласно Ливию, плебейские трибуны, братья Квинт и Гней Огульнии, вынесли предложение, чтобы к имеющимся четырем патрицианским понтификам и авгурам были добавлены четыре плебейских понтифика и пять авгуров. Таким образом, речь идет о борьбе за новые должности для плебеев, причем трибуны представлены инициаторами плебисцита. Но Ливий хорошо понимает, что он отражал интересы верхушки плебеев (X. 6. 5). Из его слов: «Как оказалось, что в коллегии было только четыре авгура, мне неизвестно, разве что двоих унесла смерть...» (X. 6. 7), – видимо следует, что поводом к реформе могла послужить вакансия и плебейская элита могла рассматривать это как благоприятный случай для предъявления своего требования на равное участие в обеих политически значимых коллегиях, при этом не наносилось ущерба непосредственно правам их патрицианских членов. Ливий пишет, что эта рогація вызвала негодование патрициев, но тут же сообщает, что борьба их была не очень упорной. В целом, закон был принят достаточно легко и, как считает К. Й. Хелькескамп, это скорее не «победа» плебса, а результат процесса развития и стабилизации новой элиты⁵. Действительно, после получения плебеями доступа к ряду основных магистратур (консулат – 366 г., диктатура – 356 г., цензура – 351 г., претура – 336 г., курульный эдилитет – 366 г.), в том числе религиозного характера (*decemviri sacris faciundis* 367 г.), несмотря на все значение коллегий авгуров и понтификов, доступ в них для плебейской элиты носил скорее знаковый характер окончательного уравнивания с патрицианской знатью. Начало же этому процессу было положено еще законами Лициния – Секстия 367 г. и особенно Публилия Филона 339 г., которые стабилизировали ситуацию после двадцатилетней патрицианской «реакции» 50–40-х гг.⁶ Следует отметить и то, что Ливий говорит о законе, принятом народом в трибутных комициях⁷, следовательно, с согласия сената. Все это побуждает согласиться с Л. Ланге, который указывал на определенное патрицианское влияние, способствовавшее быстрому принятию закона⁸. И «революционность» действий трибунов здесь скорее форма выражения их действий, нежели отражение их содержания⁹.

Плебисцит плебейского трибуна Овиния датируется условно временем до цензуры Аппия Клавдия 312 г. (318–313 гг.), хотя точной датировки его не сохранилось и его порой относят как к предыдущему, так и последующему периоду¹⁰. Информация о нем сохранилась у Феста¹¹. Согласно этому плебисциту, задача ревизии сенатского списка

⁵ *Hölkeskamp K. J. Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der Römischen Republic im 4. Jhd. v. Chr.* Stuttgart, 1987. S. 142.

⁶ *Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-plebeian State.* Budapest, 1976. P. 47–73; *Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien.* Stuttgart, 1920. S. 21–34.

⁷ *Liv. X. 9. 1: Vocare tribus extemplo populus iubebat, apparatusque accipi legem.*

⁸ *Lange L. Op. cit. Bd. II. S. 91.*

⁹ О том же говорит и состав вновь избранных коллегий понтификов и авгуров. Так, понтификами стали плебейские консуляры П. Деций Мус (консул 312, 308), П. Семпроний Соф (304), Г. Марций Рутил (310), М. Ливий Дентер (302). Вновь избранные плебейские авгуры, вероятно, также принадлежали к сенатской аристократии. См.: *Szemerle G. J. The Priests of the Roman Republic: A Study of Interactions Between Priesthoods and Magistracies.* Brussel, 1972. P. 67.

¹⁰ *Niccolini G. Fasti dei tribuni della plebe.* Milano, 1934. P. 389; *Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic.* Atlanta, 1951. Vol. I. P. 158–159; *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht.* Bd. II. S. 418 u. folg. Anm. 3; *Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung.* Leipzig, 1891. Bd. I. S. 260.

¹¹ *Fest. 290 L. s. v. Praeteriti senatores: Praeteriti senatores quondam in opprobrio non erant, quod, ut reges sibi legebant, sublegebantque, quos in consilio publico haberent, ita post exactos eos consules quoque et tribuni militum consulari potestate coniunctissimos sibi quosque patriciorum, et deinde plebeiorum legebant; donec Ovinia tribunicia intervenit, qua sanctum est, ut censores ex omni ordine optimum quemque curiatim in senatum legerent.*

перешла от консулов к цензорам. И первым известным цензором, который произвел *lectio*, был Аппий Клавдий¹². Какое место занимает этот плебисцит в трибунской политике этого периода? С одной стороны, посредством установления *ex omni ordine optimum*, он стоит на традиционном направлении защиты достижений плебейской верхушки, но вместе с тем вне зависимости от того, было ли это его целью, он устранял зависимость пополнения сената от решения ежегодно сменяемого магистрата, находящегося под влиянием различных групповых интересов. Но главным было то, что компетенция пополнения сената была изъята у консульской должности, которой сенат противостоял как контрольная инстанция. С другой стороны, вследствие плебисцита, критерии рекрутирования сената стали более объективными и связывались отныне не со спорными критериями знатности и влияния, а непосредственно с занятием должности и ее величиной. Таким образом, появляется новый легитимный критерий принадлежности к нобилитету, общий для патрициев и для плебеев, что способствовало консолидации новой знати. Этому же способствовала и формализация «кодекса поведения» патрицианско-плебейской знати, опирающегося на патрицианские традиции и выразившегося в так называемой *cura togum* цензоров. Появление этой функции, вероятно, имеет непосредственную связь с *lectio senatus*¹³.

Остальные плебисциты также не носят сословного характера и в них явно прослеживается ряд черт, которые найдут наиболее полное отражение в трибунате классической поры. И в первую очередь это проявляется в изменении отношений плебейских трибунов с патрицианско-плебейским сенатом (что, впрочем, прослеживается и в двух предыдущих).

Под 327 г. Ливий сообщает о плебисците, который продлил консульские полномочия Квинта Публилия Филона, в связи с военной необходимостью. Фактически это был первый прецедент такого рода, посредством которого создавался новый конституционный институт проконсулов. У Ливия мы читаем следующее: «...с трибунами договорились предложить народу, чтоб по окончании консульства Квинт Публилий Филон вплоть до окончания войны с греками продолжал дело как проконсул»¹⁴. Этот плебисцит не вызывает сомнений, поскольку вслед за ним последовал целый ряд подобных назначений. Сведения об аналогичном плебисците мы встречаем в 296 г.: «А военные полномочия Луция Волумния, согласно постановлению сената и решению народа, были продлены еще на год»¹⁵. Проконсулы были назначены и в 297 г., но без указания на трибунов и плебисцит (X. 16. 1). Для 307 г. Ливий сообщает о продлении консульских полномочий Фабия Руллиана сенатом на следующий год (IX. 42. 2). Возможно, таким же образом получили пропреторские полномочия в 295 г. Гней Фульвий и Луций Постумий Мегелл (X. 26. 15; 30. 1). В 292 г. Дионисий сообщает о продлении консульских полномочий Кв. Фабия Максима для войны с самнитами (*Dionys. XVII (XVIII). 4. 4*). Таким образом, из перечисленного ряда по крайней мере в двух случаях пророгация происходила при помощи плебисцита по согласованию сената с плебейскими трибунами. Возможно, что и в остальных эпизодах имел место плебисцит, что, впрочем, могло варьироваться в зависимости от конкретной внутривластной ситуации, но важен сам прецедент такого рода. Эта практика закрепилась в Риме и использовалась позже (XXIX. 13. 7; XXX. 41. 4; XXXI. 50. 10). Можно было бы, конечно, рассматривать возникновение ее как результат сословной борьбы, однако об этом ничего не сообщает традиция, и в подобной практике

¹² Liv. IX. 29. 5; Diod. XX. 36. 1; Cic. Sen. 16; Suet. Tib. 1. 2; Pompon. D. I. 2. 2. 36; Fest. 270L.

¹³ Ср.: Кучеренко Л. П. *Cura togum* римских цензоров и формирование системы ценностей римлян в эпоху Республики // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1996. С. 3–13.

¹⁴ Liv. VIII. 23. 11–12: *Itaque cum et comitiorum dies instaret et Publilium imminentem hostium muris avocari ab spe sapiendae in dies urbis haud e re publica esset, actum cum tribunis est, ad populum ferrent, ut, cum Q. Publilio Philo consulatu abisset, pro consule rem gereret, quoad debellatum cum Graecis esset.*

¹⁵ Liv. X. 22. 9: *Et L. Volumnio ex senatus consulto et scito plebis prorogatum in annum imperium est.*

не могли быть заинтересованы ни плебеи, ни плебейские трибуны, которые стояли вне военной компетенции¹⁶. И именно поэтому очевидно, что сенат начинает использовать трибунат в качестве противовеса во внутривластной игре и он все более превращается в инструмент политики сената, иными словами патрицианско-плебейского нобилитета. Используя плебейских трибунов и решения плебейских собраний, сенат освобождался от необходимости поручать подобные предложения магистратам, которые в этом случае выступали заинтересованными лицами как носители империя. Опираясь на плебисциты, сенат усиливал значение выносимых решений и вместе с тем ограничивал возможную сферу компетенции высших магистратов, об амбициях которых и трениях с сенатом сообщает неоднократно Ливий (VIII. 12. 9; 34. 1; IX. 26. 10; 33. 4–5). Подобная практика также вела к усилению значения трибутовых собраний в законодательстве в противовес центуриатным, что найдет полное отражение в последующем периоде¹⁷.

В этом же ключе можно рассматривать плебисцит 311 г.: «В этом году еще два рода полномочий стали вручаться народом, и оба в военном деле: во-первых, постановили, чтобы народ избирал по шестнадцать военных трибунов на четыре легиона, тогда как прежде лишь несколько мест ставились на голосование народа, в основном же назначались те, к кому мирволили диктаторы и консулы. Это предложение было внесено плебейскими трибунами Луцием Атилием и Гаем Марцием; во-вторых, постановили, чтобы народ ведал и назначением корабельных триумвиров, занимавшихся снаряжением и починкой судов. Это поставил на всенародное голосование трибун Марк Деций» (*пер. Н. В. Брагинской*)¹⁸. Что касается первого плебисцита, то и здесь ограничивалось право высшей магистратуры на назначение военных трибунов. Когда и каким образом возникло избрание военных трибунов не ясно, но вероятно – в связи с реорганизацией коллегии военных трибунов с консульской властью в 367 г., в ходе которой военные трибуны сохранили магистратский характер. Теперь же трибутовые собрания получили право избрания всех военных трибунов. Это вновь указывает, с одной стороны на ослабление военной власти высшей магистратуры, а с другой – на дальнейшее расширение участия народа в выборах. Вместе с тем решение этого плебисцита вело к косвенному усилению сената, который мог влиять на формирование и выбор кандидатов в трибутовых комициях. В этом мог быть заинтересован и нобилитет, поскольку выборная должность имела большой почет и могла быть ступенью в должностной карьере. Все сказанное можно отнести и к плебисциту М. Деция.

Подобная практика взаимоотношений плебейских трибунов и сената проявляется также в законе 304 г. Ливий по этому поводу пишет следующее: «И только тогда по воле сената народу был предложен на утверждение закон, запрещавший освящать храм без приказа сената или большинства трибунов»¹⁹. Поводом к нему был спор вокруг освящения храма Конкордии в 304 г. небезызвестным курульным эдилом Гнеем Флавием, который «по единодушной воле» народа заставил понтифика Корнелия Брабата произнести посвятительные слова, которые за ним повторял Флавий. До этого, как говорит Ливий, храмы освящали только консулы и полководцы (X. 46. 6). Используя подходящий повод,

¹⁶ В этом вопросе мы склонны придерживаться общепринятой точки зрения, хотя существуют и иные мнения. См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. Ср.: Токмаков В. Н. Военная организация Рима периода ранней Республики (конец VI – первая половина IV в. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

¹⁷ Ханкевич О. И. Роль народных трибунов и собраний плебса в общественной жизни римской республики II в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1978. С. 6–17.

¹⁸ Liv. IX. 30. 3: Et duo imperia eo anno dari coepta per populum, utraque pertinentia ad rem militarem: unum, ut tribuni militum seni deni in quattuor leiones a populo crearentur, quae antea, perquam paucis suffragio populi relictis locis, dictatorum et consulum ferme fuerant beneficia; tulere eam rogationem tribuni plebei L. Atilius C. Marcius; alterum, ut duumviro navales classis ormandae reficiendaeque causa idem populus iuberet; lator huius plebis sciti fuit M. Decius tribunus plebis.

¹⁹ Liv. IX. 46. 7: Itaque ex auctoritate senatus latum ad populum est, ne quis templum a ramve iniussu senatus aut tribunorum plebei partis maioris dedicaret.

сенат и здесь добился решающего влияния. Нам не известны случаи посвящения с согласия трибунской коллегии. Но важно то, что и здесь плебейские трибуны действуют совместно против высшей должности, ограничивая ее полномочия, а сенат закрепляет за собой важные контрольные функции. При этом сама формулировка Ливия показывает, что согласие сената и большинства трибунской коллегии представляло равноправную альтернативу.

Помимо плебисцитов, новизна во взаимоотношениях с сенатом проявляется и в повседневной политике. Очень примечателен эпизод, о котором сообщает Ливий под 310 г.: к консулу Кв. Фабию, воевавшему тогда с этрусками и намеревавшемуся перейти Циминийский лес, сенат отправил пять послов и двух плебейских трибунов, чтобы запретить это консулам. Это первый случай такого рода. До того плебейские трибуны, согласно традиции, не могли покидать Рим (*Gell.* XIII. 12. 9; *Macr. Sat.* I. 3. 8; *Dio Cass.* 37. 43. 45. 27), а *tribunicia potestas* распространялась только в пределах померия. Цель их включения в посольство скорее не в том, что при необходимости они могли отменить постановление сената, как полагают Н. Е. Боданская и Г. П. Чистяков²⁰, а, напротив, в возможности противостоять консулам, если их намерения не будут совпадать с решением сената²¹.

Таким образом, практика плебисцитов рассматриваемого периода говорит об изменении характера как плебисцитов, так и самого трибуната. Практически все плебисциты этого периода были приняты либо по инициативе сената, либо с его согласия. Ни один из них не может рассматриваться как решение, относящееся только к плебсу, они касались всей *civitas* и не вызывали противодействий. Трибуна́т нигде не противопоставляется сенату, напротив, он всегда действует в согласии с ним, как орган способный противостоять чрезмерному усилению власти отдельных магистратов. Изменение характера плебейского трибуната, несомненно, связано с выделением плебейской верхушки, которая получила доступ в сенат по законам Лициния – Секстия 367 г. и особенно активно стала формироваться и консолидироваться с патрицианской аристократией с 30-х гг. Небезынтересно сравнить и дополнить эти выводы анализом данных просопографии.

В период с 339 по 287 г. (52 года) известны семнадцать упоминаний имен плебейских трибунов четырнадцати фамилий (дважды, вероятно, занимал магистратуру трибун М. Флавий в 328 и 323 гг.; возможно, к этой же фамилии принадлежал еще один трибун 305 г., Гн. Флавий (более известный как эдил 304 г.), которого традиция обычно называет сыном (внуком) вольноотпущенника; в 300 г. коллегию занимали два брата Кв. и Гн. Огульнии).

Не так давно французский исследователь Ж.-Л. Гальперин, рассматривая формирование плебейской верхушки в период с 494 по 218 г., предложил деление плебейских трибунов на пять групп²². В первую группу его классификации входят имена, которые встречаются только однажды среди плебейских трибунов и не известны в числе других магистратов. Во вторую – чьи имена встречаются также среди второстепенных магистратов, но очень поздно. В третью включены имена, несколько раз встречающиеся среди трибунов или магистратов. В четвертую – имена, неоднократно встречающиеся в трибунате в V–III вв., но не встречающиеся среди консулов. И в пятую – те, кто достиг консулата. Такое деление дает нам возможность посмотреть на трибунов этого периода с социальной стороны, а также попытаться соотнести их социальное положение с проводимыми ими мероприятиями. Из указанных четырнадцати трибунских фамилий этого периода к первой группе принадлежат две, к третьей – три, к пятой – девять,²³ что достаточно ясно говорит о преобладании в трибунате в этот период представителей верхушки

²⁰ Боданская Н. Е., Чистяков Г. П. Комментарий // Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1989. Т. I. С. 568.

²¹ Mommsen Th. Op. cit. Bd. II. S. 267; Bleiken J. Op. cit. S. 95–98.

²² Halperin J.-L. *Tribunat de la plebe et haute plebe* (493–218 av. J.-C.) // RD. 1984. № 62. P. 161–181.

²³ Никто из трибунов этого периода не входит в состав второй и четвертой групп.

плебса. Рассмотрим имена в соответствии с группами. К первой группе относятся трибуны 320 г. Т. Нумиций и 313 г. (?) Овиний. Т. Нумиций вместе с Кв. Мелием, входящим в пятую группу, фигурируют у Цицерона (Off. III. 19) в связи с кавдинским эпизодом как выданные самнитам римлянами за нарушение *sponsio*. Ливий в этой связи указывает на Л. Ливия и Кв. Мелия (*Liv.* IX. 8. 13). Таким образом, и Ливий и Цицерон имеют одно общее имя Мелия и расходятся в имени второго трибуна. Но предпочтительна традиция Ливия. Поскольку связанными клятвой при кавдинском поражении римлян были консулы, легаты, военные трибуны и квесторы, то изолированный характер имени Нумиция скорее говорит в пользу традиции Ливия. Однако это не означает, что Нумиций не мог входить в коллегию, и об истинности этого, напротив, говорит его изолированность. Для нас здесь важно то, что в трибунал (в коллегию одного года) и в этот период попадали лица различного достоинства. Плебейские трибуны (представители плебейского нобилитета Л. Ливий и Кв. Мелий) рассматриваются здесь как равные другим магистратам *populus*. Они подчиняются народу и сенату (хотя в силу неприкосновенности могли этого не делать) и, таким образом, не противопоставляют себя интересам *civitas*²⁴. К первой же группе относится и Овиний. Его закон о *lectio senatus* рассматривался выше. Характер и значение *lex Ovinia* вполне очевидны: он принимался с согласия сената и удовлетворял интересам складывающегося нобилитета. Если мы не знаем ничего конкретного о деятельности Нумиция, то характер деятельности Овиния вполне определен. Несмотря на свое достаточно «низкое» происхождение, он является автором чрезвычайно характерного плебисцита, который находится в рамках всей трибунской политики этого периода. Следовательно, можно говорить об определенном единстве интересов плебейской верхушки вне зависимости от реального социального статуса. Недаром Ливий часто говорит о коллегии трибунов вообще, полагая общий образ действий и мыслей коллегии.

К третьей группе относятся Л. Коминий (313 г.), Л. Фурий (308 г.) и М. Скантий (294 г.). В рассматриваемый период только родственник Коминия Л. Коминий был военным трибуном 325 г. Коминий известен тем, что обвинил в *impudicitia* Гая Летория Мерга за его деятельность в качестве военного трибуна во второй Самнитской войне (*Dionys.* XVI. 4; *Val. Max.* VI. 1. 11). Фурий препятствовал участию Аппия Клавдия в выборах в консулат, пока тот не сложил с себя полномочия цензора. Марк Скантий привлек к суду Луция Постумия после прекращения консульских полномочий (*Liv.* X. 46. 16). Ливий не называет причину привлечения, но несколько ранее (X. 37) передает спор, вызванный требованием Постумия предоставить ему триумф. После того как сенат отказал ему в этом, он обратился к народу, нелестно выражаясь в адрес отцов, и в конечном итоге получил триумф от народа вопреки воле семи трибунов и сената. Таким образом, все три трибуна этой группы выступают против должностных лиц в связи с нарушением «конституционных» норм и обычаев.

К пятой группе, помимо названных Л. Ливия и Кв. Мелия, относятся М. Деций, Г. Марций, Л. Атилий, известные по выше рассмотренным плебисцитам 311 г.; Кв. и Гн. Огульнии – авторы *lex Ogulnia* 300 г.; трибуны М. Курий Дентат (299 г.) и П. Сем-

²⁴ Предположение Н. Г. Майоровой (Власть трибунов и фециальное право в Риме IV в. до н. э.: к интерпретации кавдинского эпизода // Древнее право. 1996. № 1. С. 76–79), что плебейские трибуны должны были быть выданы самнитам как представители плебейской общины наряду с представителями патрицианской (консулы и др.), как две составляющие римской общины, в силу того, что при заключении *sponsio* отсутствовали фециалы, которые представляют всю общину, представляется неверным. Автор, видимо, приравнивает *tribuni militum* (*Liv.* IX. 5. 4. Ср. 9. 8), которые участвовали в заключении *sponsio*, с выданными плебейскими трибунами. Однако Ливий не называет первых плебейскими, которые и не могли оказаться в войске. Когда же речь идет о выдаче, он говорит о выдаче тех, кто участвовал в заключении *sponsio*. Л. Ливий и Кв. Мелий стали плебейскими трибунами после кавдинского эпизода (*Niccolini J.* Op. cit. P. 71). Скорее приведенные у Ливия разногласия о выдаче плебейских трибунов были связаны с дискуссией о неприкосновенности плебейских трибунов, к которой Ливий обращается и в других местах (*Sini F.* Interpretazioni giurisprudenziali in tema di inviolabilita tribunitia (a proposito di *Liv.* III. 55. 6–12) // *Ius antiquum*. 1996. № 1. С. 80 и след.).

проний (Соф? 310 г.) известны своей борьбой против антиконституционных поползновений Аппия Клавдия. П. Семпроний боролся за ограничение цензорства Аппия Клавдия законным сроком, а М. Курий Дентат выступил против действий Аппия Клавдия в качестве интеррекса, когда последний при выборах консула стремился воспрепятствовать избранию на должность плебея (*Cic. Brut. 55; Aur. Vict. Vir. Ill. 34. 3*). Трибун М. Флавий в 328 г. входил в коллегию, которая впервые провела плебисцит о продлении консульских полномочий (см. выше), а в 323 г. выступил с предложением наказать тускуланцев за то, что по их совету и с их помощью велитрийцы и привернаты пошли войной против римского народа (что вполне может соответствовать его деятельности в предыдущий год). О деятельности Гнея Флавия в качестве плебейского трибуна ничего не известно. Как и сомнительны сведения о последнем трибуне этой группы М. Антистии (319 г.). Ливий вспоминает о его деятельности только в XXVI книге при описании событий 210 г. По-видимому, он участвовал в урегулировании отношений между римлянами и отпавшими сатриканцами. У Ливия речь идет, судя по всему, о плебисците, которым народ дал право сенату решить вопрос с сатриканцами.

Таким образом, из соотношения социального положения трибунов и их поступков видно, что характер деятельности трибунов фактически не зависит от их социального положения, а сама она сосредоточена на противостоянии антиконституционным поползновениям должностных лиц, принятии плебисцитов, которые касаются не только внутренней политики, но и внешней, где трибуны выступают как представители *populus* в целом, а трибунное собрание как собрание *populus*.

Изменение роли трибунов хорошо прослеживается и в изменении их роли в их традиционных сферах. В рассматриваемый период нет ни одного указания на агитацию трибунов в борьбе за землю и против должничества. Естественно, что в условиях территориальной экспансии в этот период был выведен ряд колоний из Рима, что способствовало ослаблению земельного голода. В период с 339 по 287 г. традиция содержит сведения о выведении по крайней мере 12 колоний (*Vell. I. 14*), причем сообщаются и данные о числе колонистов: 4 тыс. в 312 г. (*Liv. IX. 28. 7*), 4 тыс. и 6 тыс. в 303 г. (*X. 1. 1*); 4 тыс. в 302 или 298 гг. (*X. 13. 1. 3. 2*), 20 тыс. в 291 г. (*Dionys. XVII (XVIII). 5. 2*). Вместе с тем, видимо, изменяется и сама практика трибунской деятельности в этой сфере. Так, в 296 г., сообщает Ливий, было решено вывести два поселения (Минтурны и Синуссу), в связи с чем плебейским трибунам вменили в обязанность с одобрения всех плебеев поручить претору Публию Семпронию назначить триумвиров для вывода поселений в те места (*X. 21. 9*). Ранее, как известно, трибуны имели значительную традицию аграрных рогадий, которые с большим или меньшим успехом проводили в жизнь путем агитации и давления плебса. Теперь же трибуны получают административные полномочия в данной области и участвуют в принятии решений (как и сами плебеи) по распределению земли. Активная практика такого рода известна в начале II в. (*XXXVII. 29. 3; XXXIV. 53. 1; XXXV. 40. 5*). Из информации того периода следует, что трибуны с согласия сената предлагали вывод колоний, после чего триумвиры для выведения колоний избирались собранием под руководством претора или консула (*XXXIV. 53. 2; XXXVII. 46. 10*). Появление практики выборов триумвиров Ливий фиксирует в 334 г., хотя ничего не говорит о трибунах. Аналогичный случай имел место в 313 г. (*IX. 28. 8*). Можно допустить, что уже в то время трибуны стали принимать участие в наделении землей. Таким образом, сенат формализовал роль плебейских трибунов, имевших большую традицию аграрных рогадий, а трибунные собрания получили формальное право решений в области, которая ранее находилась в компетенции сената. Тем самым трибуны утратили инициативу в этом секторе традиционно трибунской политики, точнее, их инициатива была институционализована и введена в рамки конституционной деятельности. Нужно также заметить, что в разбираемом случае Ливий особо указывает на то, что охотников записаться в поселенцы было нелегко найти, «ибо было ясно, что их отправляют не землю возделыва-

вать, а чуть ли не бесценно стоять на страже во вражеской области». И в этой связи фраза «вменили в обязанность» приобретает особый смысл. Трибуны, следовательно, выполняют не столько требования плебса, сколько заказ сената по обеспечению безопасности Рима, и в этом качестве также выступают в роли магистратов всей общины.

Аналогичная картина складывается и с другим направлением традиционной агитации трибунов – проблема задолженности и долгового рабства в этот период. Скорей ею был озабочен сенат и консулы (возможно, диктатор). Ливий упоминает закон Петелия, консула 326 г., который отменил долговое рабство. Хотя существуют различные версии традиции у Ливия, Дионисия Галикарнасского, Варрона и Валерия Максима, как и датировки этого события (*Liv.* VIII. 23. 17; 28; *Varr.* LL. VII. 105; *Dionys.* XVI. 5. 9; *Val. Max.* VI. 1. 9)²⁵, но все сходится на том, что поводом для отмены стало незаконное обращение кредитора (Луций Папирий у Ливия – VIII. 28) с должником (Гай Публилий – *Ibid.*). Плебейские трибуны фигурируют только в одной из версий – у Дионисия Галикарнасского. Согласно ей, после того как должник не позволил кредитору воспользоваться красотой собственного юного тела и был за это избит, он бросился на форум. Его рассказ вызвал сильное негодование народа, после чего плебейские трибуны вынесли обвинение и кредитор был осужден на смерть, а римляне, поработанные за долги, получили прежнюю свободу по принятому тогда закону (XVI. 5. 1). Даже если принять эту версию, а не Валерия Максима или Ливия, где главную роль в решении конфликта играют консулы и сенат, мы не можем говорить об инициативе трибунов в отмене долгового рабства, так как они действуют под давлением плебеев и деятельность их направлена только на осуждение кредитора. Фактически, закон Петелия, отменяя долговое рабство, вместе с тем косвенно закреплял существующие имущественные отношения и, естественно, не устранял причин задолженности. В связи с этим в 287 г. вновь из-за проблемы задолженности возникло недовольство плебеев, и после долгих споров они вновь ушли из Рима. Трудно представить из-за плохого состояния источников, какую роль играли в этом плебейские трибуны. Ливий вообще ничего не говорит о них: «Народ после долгих и тяжелых волнений из-за своих долгов выселяется на Яникул, оттуда возвращен диктатором Квинтом Гортензием...» (*Per.* 11). Из фрагмента Диона Кассия²⁶ вроде бы следует, что трибуны неоднократно требовали освобождения от долгов, что сталкивалось с постоянным сопротивлением кредиторов. Однако, видимо, требования трибунов были не столь радикальны, несмотря на давление народа, стремившегося к большему. Неудовлетворенность плебеев привела к широким беспорядкам, и был назначен *seditionis sedandae causa* диктатор

²⁵ *Кофанов Л. Л.* Обязательственное право в архаическом Риме. М., 1994. С. 173–184; *Кучеренко Л. П.* Социально-политическое развитие Рима в период самнитских войн: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. С. 10 и след.; *Prachner G.* Alter Geschichte: Untersuchungen zu Überlieferungsproblem der frühromischen Sklaverei und Schuldknechtschaft. Münster, 1966. S. 83 u. folg.

²⁶ *Dio Cass.* fr. 37. 2–4: «Когда плебейские трибуны требовали сложение долгов, часто, но напрасно предлагался соответствующий закон, ибо займодавцы никак не желали принять его, между тем как трибуны предоставляли богатым на выбор: поставить на голосование этот закон, или же воспользоваться законом Столона, и в этом последнем случае им засчитать проценты в счет основного капитала, а остальное получить в течение трех лет. И вот в первый момент бедные, опасаясь вообще ничего не получить, принимали оба варианта, а богатые, уверенные, что их не принудят ни к тому, ни к другому, упорствовали во вражде. Когда же стала надвигаться какая-то перемена, настроение тех и других переменялось в обратную сторону. Ибо должникам было недостаточно ни одного из этих предложений, а богатым казалось довольным, если они не лишаться хотя бы первоначального капитала. Так вот, в тот момент смута не была улажена и после этого они вновь впали в соперничество на длительное время друг с другом; и ничего другого в наступившем противостоянии не предпринимали. В конце концов, когда богатые были согласны уже предоставить им намного больше, чем то, на что они вначале надеялись, те все равно не примирились, но чем больше видели уступки богачей, тем все больше дерзали, как если бы чувствовали за собой преимущество некоего права; и из-за этого они ни во что не ставили предлагавшиеся им уступки, как если бы эти уступки не были вовсе необходимы, и стремились к другому, считая уже достигнутое основанием к достижению этих новых преимуществ». Фрагмент плохо сохранился. Первоначально реконструирован и отнесен к 287 г. Б. Нибуром (*Niebuhr B. G.* Ergänzung des Inhalts eines wichtigen Fragments von Dio Cassius // *Römische Museum.* II Jahrg. N. 4. Bonn, 1828), а затем У. Бойсееном, издателем «Истории» Кассия (1896).

Кв. Гортензий. Как была решена долговая проблема не ясно, так как источники не дают таких сведений, хотя ее разрешение рассматривается в качестве предпосылки улаживания конфликта²⁷. Закон, который, как известно, принял Гортензий, делал обязательными для всех решения плебисцитов²⁸. К. Белох в свое время полагал, что Гортензий мог быть не диктатором, а плебейским трибуном²⁹, однако это противоречит как данным источников, так и всем тем изменениям, которые претерпел трибунат в этот период. Плебейские трибуны (плебейская верхушка) были заинтересованы в социальной стабильности, выступали гарантами конституции и не могли быть инициаторами сецессии. Богатые плебеи были сами кредиторами и членами того сената, который возражал против урегулирования долгов. Насколько вытекает из отрывка Диона Кассия, трибуны со своими умеренными требованиями утратили контроль над ситуацией. Сенат был вынужден назначить диктатора. А кандидатура Кв. Гортензия, который не принадлежал к нобилитету, указывает на стремление сената к компромиссу.

Вопрос о законности плебисцита мог, как считает Й. Хеллескамп, обостриться во второй фазе конфликта, после того как плебисцит о долговом вопросе повторно был отклонен³⁰. Гортензий узаконил решения плебисцитов и приравнял их к *lex*. Но это не значит, что до этого плебисциты были неисторичны или не имели силы. Формально они зависели от *patrum auctoritas*, но фактически от меняющегося соотношения политических и общественных сил³¹. В рассматриваемый период, в условиях постепенного ослабления сословного противостояния и функционального упадка плебейского трибуната как основы борьбы за равноправие, изменяется и характер плебисцита. Из рассмотренных выше случаев видно, что решения плебисцитов никогда не ограничиваются только плебсом. Все они имеют общегосударственное значение, инициатива их исходит от сената и они не несут в себе положений сословного характера, которые могли бы оспариваться на этом уровне. Поэтому патрициям постулировать их необязательность не было никакой нужды. В 287 г. такого согласия не было. Напротив, кажется, сенат выступил против. И здесь мог сыграть свою роль патрицианский аргумент о необязательности плебисцитов для патрициев, который успешно использовался ранее. И в условиях напряженной ситуации плебс мог вытребовать утверждения обязательности и независимости их решений, что, впрочем, никоим образом не противоречило интересам плебейского нобилитета, как и патрицианского, так как фактически закон Гортензия только формализовал ту практику, которая сложилась в рассматриваемый период.

Утрата инициативы в традиционной сфере, о чем шла речь выше, не в последнюю очередь была связана и с появлением плебейских консулов и других магистратов. В этой ситуации роль положительной власти, осуществляющей политику умиротворения плебса, взяли на себя плебейские консулы, что наглядно доказывают события, связанные с борьбой против должничества и снижения процентных ставок (357, 352, 347, 342, 326 гг.). Уравнение властных полномочий патрицианских и плебейских магистратов должно было заменить проблему патрицианской власти проблемой власти как таковой. И созданные для противостояния патрицианской власти трибуны превратились в институт хранителей римской конституции (недаром именно к этому периоду относятся первые апелляции патрициев к плебейским трибунам (*Liv.* VIII. 33. 7; IX. 26. 10), власть которых перестает рассматриваться как сословная).

Итак, можно констатировать, что изменение характера трибунской власти происходит не после законов Гортензия 287 г., а после событий 342–339 гг. (*lex sacrata militaris*,

²⁷ Lange L. *Römische Altertümer*. B., 1879. Bd. II. S. 99 u. folg.; Brant P. A. *Social. Conflicts in the Roman Republic*. L., 1971. P. 57; Botsford G. W. *The Roman Assemblies*. N. Y., 1909. P. 313.

²⁸ Cic. *Leg.* III. 9; Plin. *N. H.* XVI. 37; Gell. *XV.* 27. 4; Pomp. *D. I.* 2. 2. 8.

²⁹ Beloch K. J. *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege*. B.; Leipzig, 1926. S. 484 u. folg.

³⁰ Hölkeskamp K. J. *Op. cit.* S. 163.

³¹ Fritz K. «*Leges sacratae*» and «*plebei scita*» // *Studies presented to D. M. Robinson*. Vol. II. St. Louis, 1953. P. 893 u. folg.

плебисцит Генуция, *lex Publilia Philonis*)³². Именно в период с 339 по 287 г. он из органа борьбы за политические и экономические права плебса превращается еще и в инструмент нобилитета, способный, благодаря приобретенным в ходе сословной борьбы полномочиям, стоять на страже неизблемости римской конституции.

A. A. PAVLOV

**SUL PROBLEMA DEL CAMBIAMENTO
CARATTERE DEL TRIBUNATO PLEBEIO
ALLA TAPPA FINALE DELLA LOTTA DI
CETI SOCIALI (339–287 A. C.)**

(RIASSUNTO)

Nell'articolo l'Autore analizza i cambiamenti avvenuti nei poteri dei tribuni della plebe e nell'essenza del tribunato, dalla *lex Publilia Philonis* del 339 alla *lex Hortensia* del 287.

La principale fonte di informazione è l'opera di Tito Livio, nella quale si dedicano al periodo in questione tre libri (VIII–X) in cui i tribuni della plebe figurano in 17 episodi di diversa natura.

Il cambiamento del carattere e delle funzioni del tribunato appare particolarmente netto durante il mutamento del carattere dei plebisciti. La tradizione ha conservato una concreta informazione su sette plebisciti di quel periodo. Questi sono il plebiscito dei fratelli Ogulni del 300 per l'elezione di pontefici ed àuguri plebei (*Liv. X. 6*); quello di Ovinio (318–313?) sul trasferimento dai consoli ai censori della funzione di revisione delle liste del Senato (*Fest. 290 L. s. v. Praeteriti senatores*); i plebisciti del 327 (*Liv. VII. 23. 12*) e del 296 (*Liv. X. 22. 9*) sul prolungamento dei poteri consolari; i plebisciti del 311 di Lucilio Atilio e Caio Marzio per l'elezione da parte del popolo dei tribuni militari, e di Marco Decio per l'elezione popolare dei triumviri navali. A questi si può anche aggiungere la legge del 304 che vietava la consacrazione di un tempio senza l'ordine del Senato o della maggioranza dei tribuni (*Liv. IX. 47. 6*).

L'analisi dimostra che praticamente tutti i plebisciti del periodo in questione furono intrapresi per iniziativa del Senato, o con il suo consenso. Nessuno di essi può considerarsi come una decisione riguardante soltanto la plebe, essi

concernevano tutta la *civitas* e non provocavano contraddizioni, il tribunato non è in nessun caso contrapposto al Senato, al contrario, agisce in armonia con esso, come organo capace di far fronte ad un eccessivo rafforzamento del potere di singoli magistrati.

Così, cambia completamente anche il ruolo dei tribuni della plebe nei loro ambiti tradizionali (lotta per la terra e contro l'indebitamento). Nel periodo in questione non c'è nessuna menzione di agitazioni dei tribuni in tal senso, non si può parlare del benché minimo ruolo avuto dai tribuni nell'approvazione della *lex Poetelia* che aboliva la schiavitù debitoria; allo stesso tempo è possibile affermare che in quel periodo i tribuni avessero già ottenuto il diritto di partecipare formalmente alla spartizione e alla consegna delle terre attestato per periodi successivi (*Liv. XXXIV. 53. 2; XXXVII. 46. 10*).

L'analisi delle fonti storiche permette di constatare che il mutamento delle funzioni tribunizie non avvenne dopo la legge di Ortensio del 287, ma dopo gli eventi del 342–339 (la *lex sacrata militaris*, il plebiscito di Genucio, la *lex Publilia Philonis*), ciò era legato all'intensificarsi del processo di consolidazione della nobiltà patrizio-plebea. Fu appunto nel periodo che va dal 339 al 287 che avvennero i principali cambiamenti nel carattere del tribunato della plebe che, da organo soltanto della lotta per i diritti politici ed economici della plebe, si trasformò anche in uno strumento della nobiltà capace (grazie ai poteri acquistati nella lotta tra le classi) di salvaguardare l'invulnerabilità della costituzione romana.

³² Их рассмотрение не входило в наши планы, так как заслуживает особого исследования. Но важно напомнить, что закон диктатора 339 г. Публилия Филона, который зачастую, подобно аналогичному закону 449 г., рассматривался как дублет закона Гортензия, не может являться таковым, поскольку фактически (как видно из рассмотренного материала) именно он открывает новый этап в истории плебисцитов. И это невозможно рассматривать как конструкцию анналистов.